

Оба вежливо общались полчаса, и когда научный сотрудник Ху уходил, он, с одной стороны, считал Цзи Цзяньго отличным парнем, а с другой — полагал, что у того не всё в порядке с головой.

Кто в здравом уме откажется стать городским рабочим? Льготы хорошие, медицинская страховка есть, а на предприятии ещё и жильё распределяют. Каждый год во время распределения работы бесчисленное количество людей ломали головы, лишь бы получить статус городского рабочего. И ведь завязывать нужные знакомства далеко не всегда помогало — сейчас многие заводы вообще никого не принимали.

Городской машиностроительный завод, куда должен был перевестись Цзи Цзяньго, тоже прекратил набор с прошлого года. Если бы не ради него, городское руководство вообще не стало бы выпускать приказ о переводе.

Позже, когда Цзи Цзяньго отказался от этого документа, поселковый староста захотел подобрать ему другую хорошую должность. Научный сотрудник Ху внезапно озарил: он пристроил на место Цзи Цзяньго своего племянника, а взамен уступил Цзи Цзяньго место в системе снаббшта.

Всё уладили, и на следующий день Цзи Цзяньго вышел на работу в снаббшт.

В знак благодарности за оказанную услугу научный сотрудник Ху дополнительно присвоил Цзи Цзяньго должность заведующего снаббштом.

В снаббште изначально не было должности заведующего, это учреждение подчинялось напрямую закупочному бюро: что закупали в городе, то в снаббште и продавали. Главное — в снаббште всего-то три человека работало, каждый отвечал за свой прилавок, так что от заведующего толку было чуть.

Но всё же имелся официальный статус, и можно было не бояться, что старые коллеги станут задирать. Семья Цзи осталась очень довольна, а Цзи Лаогэнь даже специально купил несколько бутылок хорошего вина, чтобы отблагодарить научного сотрудника Ху.

Цзи Юань тоже был доволен новой работой отца: непыльная, не устаёшь, дом близко, а в будущем, когда начнётся приватизация коллективных предприятий, её даже можно будет выкупить.

В первый рабочий день Цзи Цзяньго вся семья Цзи отправилась поддержать его.

Если говорить прямо, всем хотелось взглянуть на новое рабочее место Цзи Цзяньго, но являться туда целой толпой было неудобно. Поэтому утром, когда Цзи Юань и Ли Шулань ещё не ушли, Цзи Лаогэнь сам побежал в снаббшт за покупками. В снаббште он бывал часто, но теперь, когда здесь работал сын, всё вокруг вдруг показалось ему необычным и интересным. Цзи Лаогэнь начал с прилавка товаров для сельского хозяйства, заложив руки за спину,

медленно дошагал до отдела бакалеи, а затем подошёл к метизам.

Но снабсбыт он знал слишком хорошо, так что новизна испарилась после пары взглядов, и Цзи Лаогэнь испытал лёгкое разочарование.

Цзи Цзяньго следил за отцом с самого его входа в двери. Дождавшись, пока тот подойдёт ближе, он с улыбкой спросил:

— Па, ты зачем пришёл?

— Я... я пришёл купить коробочку железных гвоздей.

Цзи Цзяньго протянул ему коробочку:

— Па, я помню, что дома у нас ещё полно гвоздей.

Цзи Лаогэнь хмыкнул:

— Куплю ещё про запас. — И поинтересовался: — Сынок, не устаёшь?

— Очень легко, вон как та... — Цзи Цзяньго кивнул на сидевшую напротив женщину-продавца, которая лузгала семечки и смотрела телевизор. — Работа не тяжёлая, скорее от телевизора устанешь.

Цзи Лаогэнь остался доволен всем без исключения:

— Ну и отлично, ну и хорошо! Обедать домой пойдёшь?

— Днём уходить нельзя, нужно караулить прилавков. Попроси Шулань принести еду сюда!

Ближе к полудню Ли Шулань вернулась из школы и сразу отправилась на рынок, прикупив пару цзиней постного мяса, чтобы приготовить Цзи Цзяньго роскошный мясной обед. Когда Цзи Юань вернулся домой поесть, Ли Шулань отложила ему лишь немного мяса, а остальное доверху наполнила в контейнер для еды.

Цзи Юань возражать не стал и последовал за Ли Шулань:

— Мам, я тоже пойду.

По дороге Ли Шулань прикупила ещё несколько яблок. Добравшись до снабсбыта, она отдала

Цзи Цзяньго контейнер с едой, а сама с яблоками в руках направилась приветствовать двух других продавцов.

Женщина средних лет оказалась падкой до халявы: увидев яблоки, она расплылась в улыбке и принялась наперебой обещать, что впредь будет присматривать за Цзи Цзяньго. Продавцом в отделе сельхозтоваров работал пожилой мужчина — он неторопливо попивал чай, и выглядело так, будто пришёл сюда на заслуженный отдых. Нрав у него оказался на редкость добродушным, и он даже подарил Ли Шулань несколько семян цветов.

Цзи Юань был маленького роста, стоя снаружи у прилавка, он едва выглядывал наполовину. Встав на цыпочки, он спросил:

— Па, на работе не устаёшь?

Цзи Цзяньго покосился на неподалёку возившуюся Ли Шулань и тихо сказал Цзи Юаню:

— Просидел всё утро, продал всего одну коробку гвоздей да пару отверток. Я уж думал, что меня сюда наняли специально телевизор смотреть. На бойне и то было веселее. — И тут же наказал: — Маме только об этом не говори.

Цзи Юань улыбнулся:

— Ты сначала освойся, потом и суетиться не придётся.

— Да я от силы раз в год видел, чтобы в снабсбыте было шумно. — Цзи Цзяньго не придавал этому значения и подцепил палочками кусочек мяса, отправляя его в рот Цзи Юаню: — Впрочем, здесь тоже неплохо: днём можно почаще с вами видиться, поболтать, а вечером пораньше возвращаться домой ужинать.

Известие о переводе Цзи Цзяньго в снабсбыт поначалу вызвало немало любопытства у соседей, но когда они услышали, что помогла та группа стариков с фермы, всем оставалось только завидовать. Сами виноваты, что те старые кадры уехали слишком рано и никого из местных к себе не приближали.

Цзи Цзяньго привык трудиться и не выносил сидения на месте, поэтому принялся наводить порядок на складе и переставлять витрины. Остальные продавцы, глядя на него, лишь качали головой: подумаешь, новичок пыпыжит от избытка рвения. Помогать они не собирались, напротив — поведение коллеги казалось им смехотворным.

В самом дальнем углу склада Цзи Цзяньго откопал множество деталей неизвестно сколько пролежавших там лет, многие из которых покрылись ржавчиной. Он вытащил их одну за другой, чтобы почистить и просушить, перемазав руки по самые локти. Женщина-продавец, помня о постоянных подарках в виде фруктов от Ли Шулань, из лучших побуждений поучала

его:

— Цзи Цзяньго, оставь ты эти железяки в покое, кому надо — сам спросит да поищет, всё равно ведь проверки не ходят. Сейчас почистишь, а потом их всё равно обратно на склад убирать.

— Раз это товары на продажу, я считаю, что лучше привести их в порядок.

Цзи Цзяньго заново расставил товары на полках, вымыл всё залежавшееся на дне склада и выставил напоказ, заодно намыв сами витрины. Вся торговая зона засияла чистотой и теперь моментально бросалась в глаза издалека. Заглядывавшие поглазеть на телевизор жители посёлка поневоле останавливались поглазеть по сторонам, а Цзи Цзяньго никого не выгонял. Впрочем, посетителям становилось неловко, и они раскупали кое-какую нужную в хозяйстве мелочёвку, увеличив выручку отдела метизов.

Теперь Цзи Юаню больше не нужно было ходить на ферму. Всё свободное время он тратил либо на походы в снабсбыт к отцу, либо бегал заниматься единоборствами к дому Сун Цзинина. Дрался он уже неплохо, не хватало лишь силёнок. Тело от рождения было слабым, база хилая — в конце концов, это не роман в жанре уся с какой-нибудь внутренней энергией для подпитки, физическую мощь за пару дней не разовьёшь.

По словам Сун Цзинина, если мерить по меркам братьев Чжан, он, пожалуй, уже сможет одолеть Чжан Синя, но против Чжан Мина и* шансов всё ещё нет.

На это Цзи Юун с азартом поинтересовался:

— А может, мне притащить сюда Чжан Синя, чтобы они с Юань-юанем подрались и мы посмотрели?

Цзи Юань отчаянно затряс головой:

— Ни за что.

Ему хватало навыков для самообороны, а драться ради забавы он не собирался. К тому же Чжан Синю всего девять лет — разве победа над ребёнком принесёт хоть капельку гордости?

У Цзи Юаня постепенно вошло в привычку: сразу после школы отправляться на тренировку к Сун Цзинину и лишь к ужину возвращаться домой. В этот день всё шло по заведённому порядку: после занятий Цзи Юань направился прямо к дому Сун Цзинина и открыл дверь выданным ему ключом. Когда он только начал приходить на тренировки, Хуан Янь была против. Она категорически возражала против того, чтобы сын дрался на улице, и тем более не разрешала ему учить других детей. Смягчиться её заставили только гостинцы, принесённые семьёй Цзи, да безобидное личико Цзи Юаня, на котором прямо было написано, что такого обидеть проще простого. После этого она сама вручила мальчику дубликат ключей, чтобы он

мог приходить и уходить без лишних хлопот.

Младшая школа отпускала учеников раньше средней, и Сун Цзинин ещё не вернулся. Цзи Юань придвинул стул и принялся за чтение.

Практическое пособие по законодательству для современных граждан, присланное дедушкой, подходило к концу. К его величайшему удивлению, он всегда думал, что законы в эту эпоху несовершенны, но при внимательном изучении обнаружил, что они проработаны довольно детально. Просто уровень грамотности населения оставлял желать лучшего, а правовое просвещение хромало, из-за чего общественное мнение зачастую искажало саму букву закона.

Цзи Юань просидел недолго, когда с работы вернулась Хуан Янь. Увидев приоткрытую дверь, она сразу поняла, что пришёл Цзи Юань. Лицо её озарилось улыбкой, и она громко окликнула:

— Юань-юань, выходи, глянь, что тётя тебе принесла!

Припарковав велосипед, она протянула ему висевший на руле пластиковый пакет:

— Держи, это я дорогой домой прикупила лесной малины, только сначала помой, прежде чем есть!

— Спасибо, тётя. — Цзи Юань послушно принял пакет, отнёс на кухню, тщательно вымыл ягоды, высыпал на тарелку и вынес в комнату. Не жадничая, он в первую очередь протянул угощение Хуан Янь.

— Какой же ты послушный, Юань-юань, ешь давай тоже! — Хуан Янь светилась от умиления.

По правде говоря, ребёнок вроде Цзи Юаня был воплощением её идеального образа сына.

Она с малых лет восхищалась образованными людьми и после замужества искренне надеялась, что её собственный ребёнок вырастет таким же интеллигентным эрудитом, как тот мужчина. Именно поэтому в годы, когда в доме порой не было ни крошки еды, она не стала заставлять того романтично настроенного мужа надрываться на работе, а стиснув зубы пахала за троих, зарабатывая трудодни, чтобы прокормить семью. Сына она целиком и полностью доверила мужу, наивно полагая, что тот вырастит из мальчика умного, образованного человека.

Она понятия не имела, что в те времена городская молодёжь тайком увлекалась написанием романов, стихов и переписыванием всякой всячины, и её муж как раз преуспел в этом больше всех. Мужчину целиком захватило славословие среди таких же ссыльной молодёжи, он круглые сутки уткнувшись писал, давно забыв о том, что нужно приглядывать за сыном. Из-за этого Сун Цзинин рос впроголодь, и едва научившись ходить, первым делом научился отбирать еду у соседских детей. К тому моменту, когда Хуан Янь всё обнаружила, её сын был уже безнадежно испорчен.

Изначально она выходила замуж за интеллигента в надежде родить ребёнка, похожего на Цзи Юаня. Теперь же её заветная мечта хотя бы отчасти воплощалась в жизнь.

С появлением Хуан Янь Цзи Юань отложил книгу по праву. Тётя Хуан Янь, казалось, питала особую слабость к смышлёным, тянущимся к знаниям детям — когда он помогал малышу Суну повторять материал перед промежуточными экзаменами, глаза Хуан Янь буквально искрились от восторга. Узнай она ещё, что он читает законы, статус кровного сына малыша Суна в семье мог бы пошатнуться. Кто знает, не взбунтуется ли этот маленький бунтарь с переходным возрастом на носу? Так что рядом с тётей Хуан Янь Цзи Юань старался вести себя как можно скромнее.

Читать дальше не получалось, поэтому он просто достал учебник для первого класса и принялся за домашку.

После промежуточных экзаменов учителя воочию убедились в пользе дополнительных занятий, и домашней работы у школьников прибавилось. Первоклашка Цзи Юань исключением не стал, заданий теперь задавали на дом каждый день. Сегодня исключением не стало: предстояло выполнить простое упражнение по чтению слогов с пиньинем. Поскольку рабочих тетрадей не выдали, учитель написал на доске более двух десятков слов на пиньине, велел детям переписать их в тетради и заполнить пустые места.

Прошлая тетрадь закончилась, и Цзи Юань достал новую, аккуратно выведя на обложке своё имя и класс. Хуан Янь сидела рядом, наблюдая, как он выводит иероглиф чуань, и с улыбкой заметила:

— Какой Юань-юань молодец, умеет писать такой сложный иероглиф!

Цзи Юань на мгновение опешил и поправил:

— Тётя, этот иероглиф читается как чуань, а не юань!

— А? Разве это не юань? Тебя же самого зовут Юань-юань?

Цзи Юань лишь беспомощно вздохнул.

В те времена уровень грамотности был невысок, и многие не знали иероглифа чуань, ошибочно полагая, что мальчика зовут Цзи Цюань. А когда видели написание полного имени, то и вовсе принимали его за Цзи Юаня, и с тех пор все кругом звали его исключительно Юань-юань. Семья устала всем объяснять и в конце концов просто смирилась с этим домашним прозвищем.

До сих пор находились те, кто нет-нет да и назовет его Цзи Юанем.

— Он читается как чуань, балочная стропилина, то есть круглое бревно на крыше дома, — с

улыбкой пояснил Цзи Юань. — Дедушка придумал это имя в надежде, что я смогу стать опорой для семьи.

Хуан Янь слегка завистливо вздохнула:

— Какой же Юань-юань умный, даже знает, что означают имена. А тётя за всю жизнь пару классов закончила, и то ничего не помню!

Цзи Юань с любопытством спросил:

— Тётя, а как вы учились в школе, когда были маленькой?

Успеваемость Хуан Янь в годы учёбы оставляла желать лучшего, дома было голодно, и в конце концов даже учителя признали, что она учится зря. Вспоминать об этом ей было страшно неловко, и раньше она рассказывала об этом только сыну. Но стоило ей встретиться с мягким взглядом Цзи Юаня, как смущение испарилось — ей вдруг показалось совсем не стыдно поделиться детскими нелепыми воспоминаниями, и она с лёгкой улыбкой принялась рассказывать.

Вернувшись домой, Сун Цзинин застал картину: Цзи Юань и его мама сидели рядышком, оживленно о чём-то шепчась. Привычным движением закатив глаза, он закатил ранец за дверь и сразу ломанулся на кухню в поисках съестного. Обычно к этому времени плита уже встречала его горячим ужином, но сегодня там царила абсолютная пустота.

Сун Цзинин даже не поверил своим глазам:

— Мам?

Он вышел из кухни, окликая мать:

— Ты сегодня ужин не готовила?

Та, казалось, даже не услышала сына — уткнувшись носом в тетрадь рядом с Цзи Юанем, она о чём-то с ним шушукалась. Подойдя ближе, Сун Цзинин расслышал тихий голос Цзи Юаня:

— Хотя иероглиф один и тот же, в зависимости от слова он может произноситься и в первом, и во втором тоне.

— Баочжа, чжэнчжа?

— Правильно-правильно, какая тётя сообразительная!

— Ах ты паршивец, вздумал над тётей подшучивать!

Похоже, они сказали что-то весёлое, потому что оба согласно хихикнули.

— Мам, вы о чём это тут? — Сун Цзинин обошел их спереди и увидел перед матерью тетрадь, исписанную кривыми, чужими для него каракулями, в которых угадывался материнский почерк. Глаза Сун Цзинина округлились: — Мам, ты что, учишься писать?

Узнав о детстве Хуан Янь, Цзи Юань проникся к ней глубоким сочувствием. В его прежние времена немисливо было представить ребёнка без возможности учиться, даже если тот не отличался особыми способностями. Оставалось винить лишь неудачную эпоху — было очевидно, что женщина искренне тянется к знаниям. Именно поэтому Цзи Юань вызвался обучать её грамоте. Хуан Янь действительно страстно желала учиться, но в силу возраста ей было стыдно посещать вечернюю школу. Однако тайное обучение дома вкупе с подбадриваниями Цзи Юаня помогали побороть страх перед позором, и она согласилась.

Вот только быть застигнутой собственным сыном оказалось выше её сил. Покраснев до кончиков ушей, она в панике захлопнула тетрадь:

— Ничего подобного, просто так листаю. Цзинин, ты когда пришёл? Я сейчас пойду готовить, Юань-юань сегодня ужинает у нас! — С этими словами она свернула тетрадь, сунула в карман штанов и убежала, явно пытаясь скрыться от глаз сына.

Сун Цзинин в упор уставился на Цзи Юаня:

— Это ты учишь мою маму грамоте?

— Тётя сама захотела.

— Но она же мне ничего не сказала! Я ведь тоже могу её учить!

Мать возжелала учиться, но доверилась только Цзи Юаню и разрешила учить себя исключительно ему, даже не позволяя сыну заглядывать в тетрадь — хотя он-то был её родной плотью и кровью! Сун Цзинина охватило жгучее чувство, будто у него отнимают мать.

— ... — Учителя в этом возрасте хоть и переживали противный период бунта и максимализма, но порой выглядели донельзя умирительно.

Цзи Юань был не в силах сдержать эти мысли.

Тут же прикрыв ладошкой рот, он подавил смешок — испугавшись, что разозленный малыш Сун набросится на него с кулаками, он торопливо забросил учебники в ранец:

— У меня дома дела, сегодня без тренировки, я побежал.

И с криком на ходу: — Тётя, я домой! — вылетел за дверь.

Появившаяся из кухни Хуан Янь застала лишь пустую прихожую. Повернувшись к сыну, она с удивлением спросила:

— Чего это Юань-юань вдруг сорвался? Я же звала его ужинать. — Натолкнувшись на грозный вид сына со сдвинутыми бровями, она опешила: — Цзинин, ты чего хмуришься? Неужто обидел Юань-юаня и распугал ребёнка?

С чего она взяла, что он обязательно обидел Цзи Юаня?! Кто из них вообще её родной сын?!

Сун Цзинин взбесился еще сильнее.

С тех пор как этот паршивец появился в их доме, мать во всём потакала только ему. Ладно бы остальное, но даже сокровенными мыслями она делилась не с сыном, а с чужим мальчишкой!

— Мам, если ты хотела учиться, почему не сказала мне?!

Ладно, пусть это и не великое дело, но он считал, что мать не должна была скрывать подобное от него.

В их доме всего два человека, неужели между матерью и сыном остались секреты?

Хуан Янь смутилась:

— Ну... это же пустяки... К тому же в мои годы какая учёба...

Странное дело: хотя Цзи Юань был совсем ребёнком, учиться под его началом ей было ни капли не стыдно. Но стоило узнать сыну, как её тут же заливало краской стыда.

Возможно, просто потому, что Цзи Юань казался куда более надёжным человеком, чем её собственный мальчишка!

Сун Цзинин возмутился пуще прежнего:

— Я ведь тоже могу тебя учить! Я ученик средней школы и к тому же твой сын, неужели я подхожу для этого хуже Цзи Юаня?

Не сумев противостоять напору сына, да и видя его искреннее желание помочь, Хуан Янь в конце концов сдалась. На смену неловкости пришло глубокое, сладкое чувство удовлетворения.

Сын, из-за предательства и ухода из семьи того мужчины возненавидевший саму учёбу, мало того что день ото дня становился всё разумнее, так теперь ещё и совершенно не противился занятиям.

Хм?

Если подумать, все эти перемены словно начались в тот самый миг, когда в их жизни появился Цзи Юань.

Сун Цзинин отобрал у Цзи Юаня право обучать Хуан Янь грамоте, но не успел он походить гордым и недели, как сам же оказался на грани нервного срыва.

Хоть она и была матерью, родной матерью, Сун Цзинину приходилось признать: его матушка — просто невероятно... тугодум!

Нет, писать она умела, но вечно норовила пропустить какую-нибудь точку или забыть черту. Едва удавалось добиться правильного написания, как стоило дойти до составления слов, как всё вылетало из головы. Человек, отличавшийся в быту и на работе проворством и сноровкой, в вопросах грамотности совершал невероятное количество ошибок.

Будь на её месте Цзи Юун, Сун Цзинин давно бы отвесил тому пару затрещин. Но поскольку этот безнадежный ученик приходился ему матерью, да к тому же он сам добровольно вызвался обучать её, оставалось лишь задействовать все запасы терпения, какие только имелись в его юной жизни, пока он окончательно не расклеился.

Его так и подмывало отчитать её!

Но нельзя — это же родная мать, поэтому от переполнявшего бешенства оставалось лишь прикусывать собственный язык!

Цзи Юань наблюдал за этим со стороны, еле сдерживая улыбку. Заметив, как Сун Цзинин судорожно вздыхает, подавляя гнев, он молча перехватывал эстафету и продолжал объяснять тёте Хуан уроки.

В такие моменты Сун Цзинин искренне восхищался Цзи Юанем: будучи младше по возрасту, тот обладал неслыханным терпением и снисходительностью. Одно и то же слово приходилось повторять по несколько раз, и даже когда спустя время матушка снова всё забывала, Цзи Юань продолжал растолковывать материал с абсолютно неизменной, ровной интонацией.

Сделав пару глотков воды и загнав бешенство обратно в горло, Сун Цзинин возвращался к

занятиям. Это была его собственная ноша, бросить которую на полпути он не смел из страха ранить материнское сердце.

Впрочем, Хуан Янь ещё и нос воротила:

— Всё, с тебя хватит, у Юань-юаня объяснять получается куда лучше. У тебя лицо точь-в-точь как у моего учителя из начальной школы — если бы не была твоей матерью, ты бы меня уже обругал. Кто захочет терпеть твои кислые мины? Пойду лучше заниматься с Юань-юанем, да?

Характер собственного сына она изучила от и до и терпеть не желала его недовольные гримасы.

— ... — Сун Цзинин шумно втянул воздух, чувствуя, как его авторитет в глазах матери стремительно катится в пропасть: — Мам, давай я всё же продолжу, Юань-юань ведь всего первоклассник, много ли он сам знает!

Цзи Юань молча уставился на него: «...-_-»

Хуан Янь одарила кровного сыночка презрительным взглядом:

— И не мечтай, твою собственную домашку проверяет как раз Юань-юань!

Сун Цзинин фыркнул, уселся обратно за стол и процедил сквозь сжатые губы:

— Так будешь заниматься со мной или нет?

— Ладно-ладно, учи, раз хочешь, только больше не смей корчить мне рожи. — Хуан Янь, разумеется, в глубине души тоже больше тянулась к родному сыну, хотя продолжала ворчать под нос: — Я же говорила, что не создана для учёбы, так нет, сам навязался... И ещё недовольные физиономии корчит... Тоже мне, непутёвый, до Юань-юаня тебе далеко...

Сун Цзинин поднял руки в знак капитуляции:

— Ладно-ладно, больше никаких кислых мин, буду объяснять спокойно!

Глядя на эту нежную картину материнской и сыновьей привязанности, Цзи Юань опустил голову, погрузившись в глубокие раздумья.

Когда-то давно, в стенах лаборатории, ради какого-нибудь простейшего эксперимента приходилось повторять одни и те же действия десятки, а то и сотни раз. Порой им овладевало нетерпение, казалось, что сил продолжать больше не осталось. И каждый раз наставник

терпеливо брал его за руку, шаг за шагом закаляя в нём нынешнее железное терпение.

Нынешний малыш Сун разительно отличался от того мудрого учителя из его будущего. Причиной тому была та страшная катастрофа на водохранилище, что должна была случиться в этот самый период, лишив мальчика матери и запустив цепную реакцию тяжелейших испытаний.

Смог бы малыш Сун без закалки через суровые испытания и боль превратиться в того самого стойкого и мудрого наставника?

Цзи Юань не находил ответа и не знал, как поступить правильно.

Но по крайней мере сейчас Сун Цзинин улыбался, и на его лице сияла открытая, дерзкая радость мальчишки.

Ответ лежал на поверхности: даже будучи умудрённым опытом учителем в грядущем, он наверняка предпочёл бы дорожить каждым мгновением этой беззаботной поры.

<http://bllate.org/book/22417/2353570>